

УДК 81'42

М. А. Яловенко

**«WHO ARE YOU?»:
РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ**

49

Поступила в редакцию 07.02.2022 г.

Рецензия от 13.02.2022 г.

Представлена попытка экстраполяции данных психологии и нейробиологии на изучение автобиографии как типа текста. Подчеркивается важность междисциплинарного подхода в когнитивно-лингвистических исследованиях. В частности, раскрываются понятия «самость», «нарративная идентичность» и «деперсонализация» с позиций нейробиологии, психологии, а также дается определение понятию «стратегия деперсонализации» в автобиографическом тексте. Особое внимание уделяется феномену памяти – когнитивному процессу, лежащему в основе любого мнемонического повествования. Кратко описаны две основные черты автобиографической памяти, а именно субъективность и интерпретативность. Автобиография, таким образом, предстает не как отражение правды в значении документальности, но как реконструкция «бесконечной последовательности состояний идентичности». На примере текста Уилла Селфа «Walking to Hollywood: memories of before the fall» рассматривается авторская «стратегия деперсонализации» – как имитация постепенной утраты субъектом автобиографического повествования его нарративной идентичности.

This article seeks to explore the possibility of applying psychological and neurobiological data with regard to the notions of “self”, “narrative identity”, and “depersonalization” to the case of autobiography as a type of text. The analysis highlights the importance of memory being a cognitive process that underlies any self-narration. Using Will Self’s work “Walking to Hollywood: memories of before the fall” as case study, we investigate an authorial technique of mimicking the gradual failure of the narrative identity by the subject of the autobiographical narrative, so “the strategy of depersonalization”. The article, therefore, is structured in three parts with a conclusion. The first two introductory sections are about the crucial importance of interdisciplinary approach in cognitive linguistic studies, and memory’s interpretative significance in constructing self-narration. Ultimately, in section 3, we offer an analysis of some extracts from the text in question which show how “the strategy of depersonalization” is being implemented by the author.

Ключевые слова: память, самость, нарративная идентичность, нарративная правда, документальная правда, стратегия деперсонализации

Keywords: memory, self, narrative identity, narrative truth, historical truth, strategy of depersonalization

...The erosion was steady enough.

*Will Self. Walking to Hollywood:
Memories of before the fall*

Введение

50

В одной из статей первого выпуска журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» Н.Н. Болдырев, говоря об отличительных чертах когнитивной лингвистики как самостоятельного научного направления, подчеркивает ее междисциплинарность: «...становление когнитивной лингвистики связано с учетом и обобщением многих данных, полученных в разных сферах научной деятельности: в области психологии, логики, лингвистики, теории информации, антропологии, медицины и т.д. <...> Междисциплинарность когнитивно-лингвистических исследований обусловлена стоящими перед ними целью и задачами и является *основным условием их реализации*» [1, с. 35] (здесь и далее курсив мой. — М. Я.).

Сходную мысль высказывает и Е.С. Кубрякова: «Развивая когнитивный взгляд на вещи, мы не только признаем *преимущества* междисциплинарного подхода к такому сложному явлению, как язык... но и то, что разнообразные когнитивные способности человека образуют в его сознании некую единую инфраструктуру, куда составляющей входит и язык. <...> В представление о языке органично включаются сведения о том, что такое *память*, что такое восприятие, на каких принципах организована когнитивная или концептуальная система в нашем *сознании*» [2, с. 45]. Необыкновенно сложная природа вневременного психического и физиологического конструкта, который мы называем «я» или *самость*, с одной стороны, и пополняющийся с течением времени новыми интерпретациями феномен *идентичности* — с другой (см., например, [13; 14]), продолжают приковывать внимание исследователей разных областей знания.

Известный невролог и нейропсихолог О. Сакс после долгого наблюдения за пациентом, потерявшим память и «неистово пытавшимся создать / сконструировать новую идентичность, чтобы заместить ею место старых, которые он забыл», отметил: «Можно сказать, что каждый из нас создает повествование и “проживает” его, и повествование это и есть мы, наши идентичности» [15, р. 110] (здесь и далее перевод мой. — М. Я.). Исследователь в области социальной психологии Л. К. Хайден отмечает, что психологи и философы в большинстве своем сходятся в том, что именно благодаря «конструированию, усовершенствованию, переработке и тщательному исследованию повествований о наших собственных жизнях мы приходим к развитию и обретению *идентичностей* и ощущения самих себя — собственных *самостей*» [12, р. 37].

П. Дж. Икин, исследующий автобиографическое повествование не только с жанровых, литературоведческих позиций, но и в последние годы с позиций нейробиологии, утверждает, что «автобиография — это не просто то, что мы читаем в книге; скорее, это — дискурс идентичности» [9, р. 13]. Исследователь отмечает, что достижения последнего времени в области исследований мозговой деятельности могут вывести дискуссии о локализации «я» — *самости* в автобиографическом дискурсе на новый уровень [9]. Вдохновившись идеями нейробиолога А. Дамасио о том, что самость есть чувство, ощущение переживания того, что происходит с телом, реагирующим на встречи с другими объектами окружающей среды [7], П. Дж. Икин выходит за рамки представлений о «Я» / самости как о «некой инвариантной монолитной сущности», определяя его как «*рефлексивное осознание процессов, происходящих во многих регистрах*» [9, р. 22]. «Нарративная идентичность» же при этом является «чрезвычайно важным *модулом самопознания*» [9, р. 22].

Ключевой вопрос, над которым размышляет исследователь, сводится к следующему: «Является ли повествование лишь функцией языка или оно еще глубже укоренилось в наших телах?» [9, р. 28].

Прерывание этого повествования, утрата чувства собственного «Я» есть патологическое состояние, приводящее к разрушению нашей *нарративной идентичности*.

А. Дамасио характеризует такое состояние как «разум, лишенный ощущения собственного “я”» [7, р. 8]. Схожим образом П. Дж. Икин образно называет это состояние “*identity theft*” — «кража личности/идентичности» [9, р. 4].

Под явлением деперсонализации (от лат. *dē-* ‘лишение, отсутствие’ + лат. *persōna* ‘личность’) в медицине понимается психопатологический синдром, «переживание себя как *странного или нереального, ощущение отстраненности от своих мыслей, чувств, ощущений, тела или действий, или как будто человек является сторонним наблюдателем*. Деперсонализация может принимать форму *эмоционального и/или физического онемения, ощущения наблюдения за собой со стороны или “присутствия в спектакле”, или перцептивных изменений (например, искаженного ощущения времени)*» [17].

Таким образом, авторскую *стратегию деперсонализации в автобиографическом тексте* мы понимаем как стратегию подрыва / компрометации / фабрикации автобиографической целостности нарратива, выражающуюся в имитации потери памяти повествователем-протагонистом — выдвигении на первый план процесса забывания, в игровом моделировании ситуаций абсурда, а также создании диссонантных ситуаций, связанных главным образом с обманом читательских ожиданий.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении стратегии деперсонализации как определенного модуля / модальности автобиографического текста или его части в отношении повествующей инстанции, направленной в том числе на дестабилизацию отношений внутри триады *автор — повествователь — протагонист*.

Рассмотрим далее феномен памяти как ключевой для автобиографического текста.

Изобретая автобиографический нарратив: память как ревизионистский феномен

В. В. Нуркова, занимающаяся исследованием феномена автобиографической памяти с позиций психологической науки, высказывает, на наш взгляд, ключевую идею о роли памяти в способности адекватно осознавать происходящее [7] и, как следствие, в «сохранении» нашей нарративной идентичности: «важно “помнить себя” для того, чтобы “быть собой”» [3, с. 14].

Е. С. Кубрякова призывает рассматривать феномен памяти не только с позиций психолингвистики, но и с позиций лингвистической науки: «...без разъяснения этого феномена [памяти] не могут получить адекватного описания не только понятие языковой способности, онтогенеза речи и т.п., но и многие аспекты соотношения языка и мышления, а главное, нормальное протекание процессов говорения и слушания, с одной стороны, и целый ряд принципов организации языковой структуры – с другой» [2, с. 359].

Остановимся подробнее на феномене автобиографической памяти. В. В. Нуркова предлагает программное определение этого вида памяти: «...субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, *интерпретации* и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих *самоидентичность* личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта» [3, с. 19]. Из данного определения мы выводим две ключевые черты автобиографической памяти, как то: *субъективность* и *интерпретативность*. Далее исследователь добавляет еще одно свойство автобиографической памяти, обратное *продуктивности* – ее «*реконструктивность*» [3, с. 23], проводя параллель между этим свойством и понятием «палимпсеста» [3, с. 24].

Схожую мысль о реконструктивном характере памяти выражает и П. Дж. Икин, подводя нас к еще одной проблеме, связанной с автобиографическим повествованием, – проблеме соотношения в нем правды и вымысла: «...память оказывается ревизионистской способностью, *создателем вымыслов*, но вымыслов не в значении неправды или лжи, а скорее в значении того, что *сформировано, смоделировано, изобретено*» [9, р. 94]. Таким образом, автобиографии он определяет «не как фикции как таковые, но как фикции особого вида – *основанные на памяти (memory-based)*» [9, р. 94]. Для творящего автобиографию субъекта, таким образом, в конечном счете, значение имеет не только и не столько «верность *фактологичности* в ее непосредственном смысле, которую могли бы подтвердить или опровергнуть историки и биографы, сколько *отчет его памяти* о том, что однажды *чувствовалось* и *переживалось*, верность запечатленному в памяти сознанию и его *бесконечной последовательности состояний идентичности*» [9, р. 6–7].

Психоаналитик Д. Спенс предлагает разграничивать «повествовательную правду» и «правду документальную»: «“документальная правда” имеет временные рамки, и цель ее – максимально приблизиться к тому, что “произошло на самом деле”... она требует уверенности в том, что все части “пазла” принадлежат определенному времени и месту, и что эта принадлежность подтверждается некоторым систематическим

образом» [16, р. 36]. Спенс также отмечает следующее: «...документальная правда не принимает в расчет многослойную структуру припоминания, возникновение каждого из слоев которого может быть инициировано одним и тем же эпизодом; не учитывает она и то, что прошлое сплавляется с настоящим, чтобы в итоге породить что-то, что, в сущности, не зависит от времени» [16, р. 36]. Повествовательная правда, по его мнению, имеет значение сама по себе, а установление контакта с прошлым в таком случае не играет большого значения [16].

Обратимся теперь к эмпирическому материалу — тексту английского писателя Уилла Селфа «Walking to Hollywood: Memories of before the fall».

Реализация стратегии деперсонализации в современном автобиографическом тексте

53

Прагматическим фокусом заключительной части автобиографической трилогии «Walking to Hollywood: Memories of before the fall» Уилла Селфа становится потеря нарративной идентичности, а именно развитие одной из форм деменции — болезни Альцгеймера.

Заглавие «Spurn Head» представляет собой сильную текстовую позицию, предлагая читателям игру по дешифровке, усиливая их когнитивную активность: с одной стороны, оно апеллирует к экстралингвистической компетенции читателей (Spurn Head или Spurn Point — это узкая песчаная коса на побережье Северного моря в восточном районе Йоркшира); с другой — активизирует игру их воображения: употребление лексической единицы *spurn* (*отвергание*), в семантике которой заложен элемент отрицания, в связи с лексической единицей *head*, которая может быть воспринята в значении *mind*, вызывает ощущение отклонения от «нормы».

О том, что основным мотивом этой части мнемонического повествования станет конкретная психическая патология, читателю сначала сообщает повествователь-протагонист по имени Уилл:

This would be a unique walk of erasure — a forty-mile extended metaphor for my own embattled persona, as its foundations were washed away by what I suspected was early onset Alzheimer's¹ [18].

Затем об этом же говорит автор по имени Уилл Селф в паратекстовой зоне — послесловии к трилогии:

The mental pathologies that underlie the three memoirs — obsessive-compulsive disorder for 'Very Little', psychosis for 'Walking to Hollywood' and Alzheimer's for 'Spurn Head' — are themselves displacements of a single phenomenon.

По ходу повествования читатель не раз сталкивается с эксплицитно-игровыми указаниями на это когнитивное нарушение у протагониста:

You're coming on down to the memory clinic with uz and the Struldbrug now — that's what yer doing,' the dementia advisor said in answer to a question I couldn't recall having posed.

¹ Здесь и далее текст У. Селфа приводится по источнику [18].

Сама сцена препровождения главного героя и фикционального персонажа — бессмертного существа по имени Струльдбруг — в медико-реабилитационный центр для страдающих расстройствами памяти в сочетании с имитацией йоркширского диалекта производит комический эффект.

Многочратное обращение автора к лексическим единицам, входящим в лексико-семантическое поле «воспоминание» (*remember, memory, mnemonics, recall*), может быть рассмотрено как «аттенциональное фокусирование» [4, с. 101] — выдвижение на первый план ключевого для повествования концепта ПАМЯТЬ:

54

...it was all these yappy feelings that herded sheepy me towards another walking tour, whilst the very erosion of my memory drew me, seemingly ineluctably, towards the Holderness coast of East Yorkshire, the 35-mile stretch of crumbling glacial till between the chalk cliffs of Flamborough Head and the shingle spit of Spurn Head.

Лексические единицы *herd* и *draw*, содержащие в своих значениях компонент насильственности действия в сочетании с эпитетом *sheepy me* способствуют созданию образа своего рода беспомощности человека — беспомощности перед своими чувствами, мыслями и т.д.

Концептуальная метафора «воспоминание(я) — путешествие» реализуется посредством использования многочисленных единиц, входящих в лексико-семантическое поле «движение» (*walk, walking tour, trip, journey*), что придает повествованию динамичность:

Nevertheless, as the surface tension of June bulged seamlessly into July, I made the decision to undertake another walking tour; one that would, I hoped, either heal, or at least legitimize, what was happening to me. Of course, all of my little walking tours were methods of legitimizing.

Подобно тому как постепенно ухудшается состояние человека, страдающего деменцией («На средней стадии обнаруживаются “более частые повторения и переработка идей” вместе со “снижением объема передаваемой информации относительно объема речи”, на более поздних стадиях язык этих людей становится “загроможденным повторениями, переработками и вторжениями” и более пустым по содержанию» [10, р. 151], цит. по [11]), путешествие протагониста обретает все более и более фантастические черты:

(1) A cartoon Cleopatra was hauled towards me reclining on a pyramidal juggernaut drawn by naked and burnished Nubians.

(2) Taking the Struldbrug by either arm, they began to lead him away. Across their shoulders both attendants had the words DEMENTIA ADVISORY picked out in white letters.

Подобное взаимодействие героев разных фикциональных миров в тексте З.М. Чемодурова называется «авторской игрой с персонажами “трансмировой идентичности”» [5, с. 61], что создает эффект обращенности в прошлое.

Метафорой утраты нарративной идентичности повествователя-проtagonиста становится постепенное сужение пляжа, ведущего к краю полуострова – конечной точке задуманного маршрута:

(1) This was all: the hours filed by me, the beach narrowed, its innumerable grains flowing through the glassy pinch-point of my contemplation.

(2) The beach narrowed once more until it became a defile between the solidified brown tsunami to my right and the green waves to the left.

(3) The beach narrowed once more, the cliffs soared, the sharp triangles of undercut hard standing appeared, silhouetted against the non-Euclidean sky.

Градация помогает создать эффект переключки со стадиями болезни Альцгеймера, с прогрессирующей картиной когнитивных и функциональных нарушений.

Вместе с тем тема пути актуализирует экзистенциально-философский дискурс, выводя в прагматический фокус библейскую идею о том, что мы приходим в этот мир нагими и нагими же завершаем путь:

I took off the empty rucksac, unlaced the stabbing boots and cast them aside, to be followed by T-shirt, trousers, smalls unlaundered for the entire trip, all of which I left behind me on top of the gorse bushes, like the pathetic unpacking of a plane-crash victim, compelled by Death. <...> I needn't have felt frustrated, because as I walked towards the Strulldbrug I grasped what it was that he sought, first peering into the ripples, then rearing back: the end of the peninsula.

Отличительной чертой представленного повествования также являются черно-белые фотографические изображения, инкорпорированные в текст, но не имеющие ни подписей, ни обозначений, которые указывали бы, к какой части повествования они имеют отношение. Л. К. Хайден подчеркивает важность привлечения человеком, страдающим нарушениями памяти, разнообразных *семиотических ресурсов* в повествование о себе: «...такие артефакты, как письменные тексты и изображения, также могут быть использованы. Это могут быть фотографии или другие памятные вещи, которые могут помочь начать рассказ, напомнив об определенных событиях, или *поддержать повествование дополнительной информацией*» [11, p. 236].

З. М. Чемодурова также подчеркивает важность *визуальных семиотических ресурсов*, но с позиции тех, кто воспринимает повествование, в данном случае – читателей: «...визуальное выдвигание играет важную роль в превращении элементов визуального семиотического модуля в то, что можно назвать визуальной опорой, вовлекая читателей в новые игры в вымысел и, следовательно, усиливая их когнитивный и эмоциональный отклик» [6, p. 13].

Заключение

Привлечение данных из таких сфер научной деятельности, как психология и нейролингвистика, открывает новые горизонты исследования самости и идентичности, являющихся ключевыми понятиями наррати-

ва о себе — автобиографии. Вместе с тем игровой модус современных автобиографических текстов заставляет исследователей пересмотреть ставшую уже традиционной дихотомию «фактологичность — фикциональность», признавая за автором право изображать вымысел абсолютно достоверных событий и фактов [8].

В статье рассмотрена *стратегия деперсонализации*, состоящая в первую очередь в обыгрывании ключевого для автобиографического повествования концепта ПАМЯТЬ посредством многократного обращения автора к языковым единицам соответствующей семантики. Данная стратегия рассмотрена как имитация потери нарративной идентичности — состояния, характеризующегося постепенным угасанием способности повествователя адекватно вести автобиографическое повествование. Стратегия реализовывалась за счет создания диссонантных ситуаций, усиливающих ощущения «нереальности» / «невозможности» происходящего и вводящих в заблуждение читательских ожиданий.

Одной из дальнейших задач исследования современных автобиографических текстов является установление статуса данной стратегии в текстах подобного типа: возможно ли относить ее к числу конституирующих или, напротив, следует рассматривать как проявляющуюся эпизодически?

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18–36.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
3. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
4. Чемодурова З. М. Механизмы прагматического фокусирования в современных англоязычных версиях «канонического» сюжета о Синей Бороде // Научный диалог. 2019. №11. С. 100–113.
5. Чемодурова З. М. Игра с персонажами трансмировой идентичности // Научный диалог. 2014. №9-1. С. 57–61.
6. Chemodurova Z. M. Visual foregrounding in contemporary fiction // Issues of Cognitive Linguistics. 2021. №2. P. 5–15.
7. Damasio A. R. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. N. Y., 1999.
8. Doubrovsky S. Fils. P., 1977.
9. Eakin P. J. Writing Life Writing: Narrative, History, Autobiography. Routledge, 2020.
10. Ehrlich J. S. Studies of discourse production in adults with Alzheimer's disease // Discourse analysis and applications: Studies in adult and clinical populations / ed. by R. L. Bloom, L. K. Obler, S. De Santi, J. S. Ehrlich. Hillsdale, NJ, 1994. P. 149–160.
11. Hydén L.-Ch. Towards an Embodied Theory of Narrative and Storytelling // The Travelling Concepts of Narrative // ed. by M. Hyvärinen, M. Hatavara, L.-Ch. Hydén. Philadelphia ; Amsterdam, 2013. P. 227–244.

12. *Hydén L.-Ch.* Broken and Vicarious Voices in Narratives // Health, Culture and Illness: Broken Narratives / ed. by L.-Ch. Hydén, J. Brockmeier. N. Y., 2008. P. 36–53.

13. *Karasi I., Sang K., Sitko R.* Gender, authentic leadership, and identity: an analysis of women leaders' autobiographies // Gender in Management: An International Journal. 2016. №31 (5/6). P. 339–358.

14. *McNeill L.* Life Bytes: Six-Word Memoir and the Exigencies of Auto/tweetographies // Identity Technologies: Constructing the Self Online / ed. by A. Poletti, J. Rak. Madison, 2014. P. 144–164.

15. *Sacks O.* The Man Who Mistook His Wife for a Hat. N. Y., 1987.

16. *Spence D. P.* Narrative Truth and Historical Truth: Meaning and Interpretation in Psychoanalysis. N. Y., 1984.

17. *Eleventh* revision of the International Classification of Diseases. Mortality and Morbidity Statistics / World Health Organization. 11th rev. MB27.0. Depersonalisation. URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en> (дата обращения: 15.02.2022).

18. *Self W.* Walking to Hollywood: memories of before the fall. Bloomsbury, 2011.

Об авторе

Мария Александровна Яловенко — асп., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: ialovenkomariia@gmail.com

The author

Maria A. Yalovenko, PhD Student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: ialovenkomariia@gmail.com